

Анна Долгова

До встреги,
Иљинична!

Анна Долгова

До встречи, Ильинична!

<https://litres.ru/74221597>

Аннотация

ИСТОРИЯ О РОМЕ И ЛЮДЕ

***** Они любили. Но не поняли этого сразу. Они испугались своих чувств. Испугались брать на себя ответственность. Испугались становиться взрослыми. Теперь они изменились. Стали сильнее физически, морально. Смогут ли Рома и Люда разобраться в своей дружбе? Поймут ли, что их свела судьба? Или же опять, столкнувшись с ответственностью, испугаются и останутся просто друзьями?

Содержание

Глава 1 Люда	4
Глава 2 Люда	10
Глава 3 Люда	16
Глава 4 Люда	24
Глава 5 Люда	34
Глава 6 Люда	40
Глава 7 Люда	48
Глава 8 Рома	54
Глава 9 Рома	58
Глава 10 Рома	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1 Люда

- Людмила Ильинична, к вам можно? – шепчет Зина, приоткрыв кабинет ординаторской.

Я только села. На дворе уже почти ночь. Не ожидала, что придется объяснять взрослой пациентке о необходимости покоя в первые несколько дней после операции. Шикунова что-то совсем меня загоняла за последние две недели. Объясняешь-объясняешь, все без толку! Неужели есть такая привязанность к мужу? Или это просто желание контролировать все и всех?

- Проходи, Зин.

Я улыбаюсь милой и светлой женщине, к которой при отсутствии народа могу просто обратиться на ТЫ. Она мне словно мать заменяет, пока я на работе. Да и вообще... В последние четыре года. Даёт полезные советы. Особенно в плане экономии, что мне очень требуется в ближайшие ещё девять лет. Ипотека - это вам не мелочь.

- Ой, Люда... Сколько ты работаешь. Зачем опять на дежурство осталась?! Сегодня же праздник! День Победы! Сходила бы на площадь, да посмотрела бы салют!

Зина причитает, одновременно раскладывая на моем столе салат и пирожки. Эта женщина всегда старается меня накормить. Она знает, что я не ела сегодня в течение дня. Праздник задался. С утра поступают бестолковые пациенты,

которые не знают, что с огнем играть нельзя, с шампурами следует быть осторожными, а с шарами так вообще держать ухо востро. И сами калечатся, и детей калечат.

- Сейчас новый наплыв будет...

Говорю с улыбкой, стараясь быть приветливой Зине. Хотя мне хочется просто посидеть в тишине, вытянув ноги. Время около полуночи. До конца моей смены еще восемь часов. Но при виде салата и пирожков аппетит разыгрывается. Я уже готова смести все со стола. Тем более, что готовит Зина отлично. А кормить ей не кого.

- Григорьев давно понял, что дежурить в праздничную ночь нельзя. Придет утром и все в порядке будет. Ты всех сложных уже прооперируешь. А он будет отдыхать завтра.

Праздник победы над фашистами совпал с субботой. Завтра действительно дежурить Льву Николаевичу. Он попросил подменить его, сказав, что ему очень нужно в субботу поехать за город к родственникам. Я не против. Мне ни к кому ехать не надо. Никто меня уже нигде не ждет. Даже в родном городе никого не осталось. Четыре года назад осталась я круглой сиротой.

Моя работа – мой второй дом. А иногда и первый.

- Да ладно, Зин, не бухти, - я приветливо ухаживаю за своей кормилицей, наливая ей кипятка из вскипевшего чайника. – Сейчас покусшаем и отдохнем.

- Не уверена. Чует мое сердце, ночка жаркой будет.

Зина мнительная, но очень ответственная медсестра. Ей

нравится ее работа. Когда-то и она хотела стать хирургом, но отучившись в техникуме и поработав немного в отделении, передумала. Как-то раз она призналась, что ей бы не хватило упорства.

Бывает...

Это я не остановилась на медсестре. Сразу же поступила в институт и с успехом его закончила. Вот уже в свои тридцать самостоятельно оперирую в течение последних двух лет.

Я давно и плотно обосновалась в Москве. Но свое жилье смогла взять только год назад. И то только «благодаря» своему полученному наследству. От бабушки мне достался небольшой трухлявенький домик в деревне, который ушел очень дешево. Но я и этому была рада. От мамы «двушка». Тоже маленькая. Да еще и не в Москве. Но ничего. На первоначальный взнос мне хватило. Почти половину оплатила. Оставшуюся половину как-нибудь осилю сама. Работаю же. Ночные дежурства мне сейчас только на руку. Семьи и детей нет. Бежать домой не за чем.

- Кушай, Люда. А то кожа да кости остались прям, - причитает опять Зина. – Ни один мужик не взглянет.

Ну с этим у меня проблем не было. Очень много пациентов мужского пола со мной заигрывает. Многие пытаются ухаживать серьезно. Вот только я отшиваю всех. Во-первых, нельзя врачу с пациентами шашни крутить. Во-вторых, нет у меня времени на амурные дела. Хотя совсем недавно я познакомилась с красивым мужчиной. Его зовут Дмитрий. И

он очень расстроился, что сегодня я не смогла провести с ним день. Ничего. Наверстаем. Если это все же судьба.

У меня как-то не все гладко с личной жизнью. То ли выбираю слишком качественно. То ли я какая-то дефективная. Вроде не уродина. В последние годы очень даже хорошо выгляжу. Во всяком случае пытаюсь. Но вот длительных отношениях у меня нет. Не хочу загоняться по этому поводу, поэтому просто плыву по течению.

Мы успеваем с Зиной отпить по два глотка горячего чая, и даже укусить пирожок, как в ординаторской раздается звонок.

- Соколова! – отвечаю я оперативно.

- Срочно в приемный покой!

Зина все понимает и опять ворчит. Но я не слушаю ее, а уже бегу вниз. Когда звонят с таким криком и приказом, дело серьезное. Вдруг время идет на минуты! Никогда себе не прощу, если из-за меня умрет человек.

Вбегаю в приемный покой и вижу толпу мужчин. Хотя их всего четверо. Между ними затесался наш охранник и даже дежурная приемного покоя. В своем голубом костюме она слилась с пациентами.

Нет. Это не пациенты...

Пациент лежит на кушетке, приставленной вплотную к стене. Быстрым шагом подхожу к мужчине. В футболке с короткими рукавами, из-под которых литые мышцы сверкают даже сквозь слой крови. Вся одежда в крови. Лицо заплыло.

На первый взгляд проломлен череп. Вид впечатляющий для меня, пугающий для простых людей. Меня-то уже ничем не удивишь.

Перевожу взгляд на мужчин. Им от двадцати до тридцати. Все сплошные качки. Высокие, мускулистые. Хорошо одетые. А главное, на них нет ни одной царапины. Только у двоих руки немного в крови. Смазанные пятна говорят о том, что это они принесли в больницу пострадавшего.

- Людмила Ильинична! – кричит дежурная приемного покоя. – Вот! Принесли! Я им говорю, что мы не справимся, у нас должного оснащения нет. И врачей тоже! Я уже связалась с Филатовской больницей, но они велели перезвонить врачу. А у нас вы одна сейчас на всю больницу! Что делать будем?!

Мужчины смотрят на меня с ужасом в глазах. Видимо, это их друг. И произошло с ним что-то страшное. Конечно, мне хочется сказать, что пить нужно меньше, но от них не разит алкоголем.

- Не орать для начала.

Терпеть не могу подобные истерики. Прекращаю панику и обращаю внимание опять на пострадавшего. Мне нужно как минимум его осмотреть, чтобы понять, хватит ли медоснащения и моего практического опыта для оказания помощи.

Поднимаю футболку, чтобы осмотреть, нет ли других видимых повреждений, которые могли спровоцировать внутреннее кровотечение. Замечаю кровоподтеки и гематомы в

области печени. Еще и разрыва нам не хватало!

Поднимаюсь взглядом вверх. Под грудью с левой стороны отмечается характерная для сломанного ребра деформация. Таааак... Аккуратно провожу пальпацию и понимаю, что ребро ушло внутрь. А значит, повреждение легкого тоже может быть. На это указывает и неравномерное дыхание пациента. Оно не просто прерывистое. Оно сопровождается отдышкой.

Но то, что я вижу дальше, повергает меня в шок.

Тату.

Многогранный бриллиант на груди. «Камень воина, символ воли, силы духа, отождествление непокорности и гордости». Именно так он объяснил свой поступок тогда. Тогда, когда пришел довольный и с улыбкой до ушей, осуществив свою мечту.

- Рома?

Глава 2 Люда

- Это же Роман Арсеньев?!

Смотрю на мужчину, пребывая в шоке и понимая, что, возможно, сейчас передо мной самый сложный пациент в жизни. И дело не в сложностях его повреждений. Это далеко не чужой мне человек.

- Да. Это Арсеньев.

Из четырех друзей только двое смогли кивнуть. Один из них выдавил из себя подтверждение. Почему-то мне начинает казаться, что они понимают сейчас мой взгляд и мысли в голове. Периодически они смотрят друг на друга, будто решая, что делать дальше.

- Что с ним произошло?! - подталкиваю их к принятию решения.

Мой голос меняется и даже мне становится от себя не по себе.

Я зла. Никогда не думала, что могу дойти до ручки. Но сейчас мне хочется разорвать их.

- Его избили. В клубе.

Еще раз оглядываю «дружков» Ромки. Ни царапинки. Ни ссадинки. Даже волосы не всклокочены.

- А вы почему не лежите рядом с ним?!

Если я правильно расцениваю ситуацию с точки зрения своей профессиональной деятельности, состояние Ром-

ки критическое. Опасное для жизни. Здесь не до выяснения всех обстоятельств. Но мне хочется глаза расцарапать друзьям, которые не смогли отстоять его. По сбитым костяшкам Ромы и нанесенным травмам понятно, что драка длилась не минуто. И бил его не один человек. И даже, наверное, не только руками. Почему при смерти находится только он?!

- Охрана! Вызываем полицию! У нас тут нанесение тяжких телесных повреждений! С возможным наступлением смерти!

Охранник проинструктирован, как вести себя в таких ситуациях. Он лишь ждал от меня команды. Мужчина сразу запер входную дверь в приемный покой, чтобы возможные свидетели не смогли улигнуть, и стал набирать отдел. Он, как и ночной клуб, находится поблизости.

Справедливости ради стоит отметить, что друзья Ромы даже не шелохнулись. Они и слова не сказали против. Возможно, прекрасно понимая все сложившиеся обстоятельства. Ведь подобные повреждения не пройдут бесследно для самого Ромки.

Более того, мужчины как-будто выдохнули, когда я приняла решение, хотя бы осмотреть пациента. Ведь они лучше меня знали характер повреждений. Возможно, видели, как его избивали. Именно поэтому притащили Ромку на себе.

Но моя активная деятельность не понравилась дежурной приемного покоя.

- Людмила Ильинична! Вы что?! Вы собрались сами его

оперировать?! А если он умрет?! Да мы же потом не отвяжемся от проверок!

Женщина подбегает ко мне и пытается чуть ли не отпихнуть меня от кушетки с больным. Проявляю твердость и стойкость.

- Пациента помыть, взять кровь на анализ, - цежу ей сквозь зубы в лицо.

Терпеть не могу, когда систему ставят превыше жизни человека!

Пока дежурная в шоковом состоянии на автомате выполняет данную ей инструкцию, подхожу к стационарному внутреннему телефону. Рядом с ним приклеена памятка с телефонами ординаторских и постов медсестер каждого отделения нашей больницы. Веду рукой по наименованиям. Ни на одном из них не задерживаюсь. Пока не дохожу до онкологического отделения.

Хоть бы повезло...

- Доброй ночи! – кричу в трубку медсестре. – Кто у вас сегодня на дежурстве?

- Петров! – быстро отвечает медсестра.

Да! Повезло! Это оперирующий онколог. За неимением ничего, хоть что-то. Вызывать сейчас Григорьева, который может быть не в состоянии, или ждать помощи из другой больницы, нет времени.

- Соедините! – приказываю медсестре, которая быстро реагирует, и я уже слышу заветный голос мужчины. – Кирилл

Александрович! Это Соколова из хирургии! У меня ЧП. Одна могу не успеть!

- Иду!

Кирилл Александрович сразу же реагирует. Мне в свое время приходилось ему ассистировать. Так что опыт совместной работы имеется.

- Зина! – кричу по рации. – Готовь операционную! Срочно!

- Есть! – отвечает Зина громко и по-армейски так, что я услышала ее скрежет зубами.

Да, Зина. Я тоже недовольна таким развитием событий! Но медлить нельзя. Человек может умереть.

Будто в доказательство Рома начинает кашлять, пока дежурная берет у него кровь. И все бы ничего. Да вот только изо рта уже пошли капли крови. Внутреннее кровотечение со всеми вытекающими, плюс черепно-мозговая. Да. Одна я точно не успею. Пока буду оперировать одно, Ромка умрет от другого.

Что ж тебе так не везет-то?! То Нелидов тебя приложил. То теперь вот непонятная драка в клубе. Хоть бы раз попал на больничную койку после тренировки или боя.

Прикладываю все усилия и везу каталку с Ромой в кабинет с КТ. Насколько возможно быстро провожу обследование. Мои опасения подтвердились. Ребро прокололо легкое. Разрывы печени. Да еще и глубокие. Трясущимися руками провожу обследование головы.

Череп проломлен. С осколками. Черт. Придется делать трепанацию.

Я ее никогда сама не делала!

- Нееее, Ромка. Я тебя на тот свет не отдам. Во всяком случае не сейчас.

Четко решаюсь на оперирование Ромы. Тут же подсказывает дежурная с результатами проведенного анализа крови. Хватаю выписку и с ее помощью выкатываю каталку из кабинета. На лифте поднимаюсь на свой, уже родной, четвертый этаж. Возле лифта меня уже ждет Зина.

- Что тут, Людмила Ильинична?!

- Целый букет и ждать нельзя!

Нет времени на объяснения.

- Кирилл Александрович уже в операционной!

Отлично!

Мы бежим с каталкой в операционную. Кирилл Александрович уже в рубашке. Зина быстро раскладывает перед ним взятые мною снимки с КТ.

- Ох, ёёёё..., - сетует Петров, и я его понимаю.

Перекладываем втроем Ромку на стол. Быстро привожу себя в порядок. С Петровым надеваем перчатки.

- Соколова, нам опрофаниться сейчас нельзя, - Петров смотрит на меня предупредительным взглядом.

Я его понимаю. Я все прекрасно понимаю. И тяжесть операции, и ответственность за жизнь пациента. Киваю ему одними глазами. Мы не руководствуемся статусом пациента.

Тем более, что Петров и Зина вообще не знают, кто лежит перед ними. Я же работаю на голом энтузиазме. А главное, во мне огромное желание спасти человека. Пациента. Сложного. Впервые настолько сложного за всю мою практику.

- За что берешься? – понимающе спрашивает Кирилл Александрович.

- Я проведу трепанацию...

Кажется, мой голос задрожал. Но только голос. Мне страшно, но я настроена решительно. По тому, как я уверенно схватила инструменты, Петров понял, что со мной сейчас лучше не спорить. В его руке засверкал скальпель.

Анестезиологом выступила Зина.

А куда деваться? Реорганизация... Нет дежурного анестезиолога.

Глава 3 Люда

Ближе к утру мы с Кириллом Александровичем закончили операцию. Не могу сказать, что прошло все гладко. Но с точки зрения медицинских возможностей на данный момент сделали все, что могли. Наша больница не может похвастать современным оборудованием. Медикаменты только бюджетные. Но мне всегда казалось, что в надежных руках хирурга даже самый сложный пациент поправится. И дорогое оборудование с лекарствами здесь не помогут. На данный момент мы сделали все, что смогли. Своими умелыми ручками сохранили ему жизнь. Я на это очень надеюсь и рассчитываю.

Рома в критическом состоянии. Я не могу дать никаких прогнозов. Меня не интересуют статистические показатели нашей больницы. Я не смогу пережить его кончину, если все же она случится. Во-первых, это Рома. Во-вторых, я ещё не открыла свое кладбище. Мне доводилось оперировать не сложные случаи. Поэтому все заканчивалось хорошо. Благополучно. Я могла дать прогнозы, объяснить по времени возможное восстановление. Но сейчас сделать этого невозможно.

На ватных ногах выхожу из операционной. Петров быстро уходит в свое отделение. Уже утро. Ему нужно обойти своих больных и уйти на законный выходной. Зина понимает меня, мою усталость, и шепчет мне в ухо:

- Садитесь, Людмила Ильинична. Совсем из сил выбилась.

Зина усаживает меня на скамью возле поста медсестры. Я вытягиваю ноги и кладу их на деревянную поверхность. Чувствую, что ноги затекли. По ним прогоняется кровь. И если бы не критическое состояние Ромы, я бы могла сказать, что это приятная усталость. Но долго отдыхать мне не приходится.

- Отдохни. А то там ещё родственники этого алкаша врача требуют. Совсем обнаглели! - возмущается эмоционально Зина. Сбавив тон, говорит мне уже тише. - Я вызвала из реанимационной медбратьев, пусть сами спускают этого качка.

А меня только сейчас током прошибает от сказанного Зиной. Родственники...

- Где они? - спрашиваю у медсестры.

- Да сейчас должны уже прийти.

- Я про родственников пациента.

Видимо, у меня получилось немного раздраженно, потому что Зина осеклась.

- На лестнице ждут.

Меня сначала сковывает. Потом кидает в крайковременный мондраж. Но все же мне удастся прийти в себя. Хлопаю себя по щекам и иду к выходу из отделения. Уже рассвело. Скоро меня сменит Григорьев. Нужно поговорить с родственниками Ромы без посторонних.

Выхожу на лестницу и вижу двоих. Стоят в обнимку. Приятная картина и радостная. Столько лет уже вместе, а все как

в самом начале. Тихо подхожу к влюбленной парочке. Одной из них почти пятьдесят. Второму около шестидесяти. А их физической комплекции позавидовать можно. А отношениям так тем более. Всегда мечтала, что вот именно у меня будет так же. Но не сложилось. Не срослось.

- Здравствуйте.

Я стараюсь не шуметь, чтобы не напугать их. На меня смотрят двое. Уставшие и зареванные. Несмотря на пережитую ночь и волнения, они узнают меня.

- Люда? - хором спрашивают меня влюбленные.

- Здравствуйте, Елена Владимировна. Здравствуйте, Владислав Игоревич.

Семейная пара смотрит на меня удивленными глазами. Елена Владимировна даже плакать перестает. Она прекрасно выглядит для своего возраста. Карте глаза наполняются интересом и какой-то надеждой.

- Как ты изменилась, - произносит озадаченно Елена Владимировна.

Да. Теперь я не тот синий чулок, с которым Рома предпочитал просто дружить. А потом, чисто по-дружески, решил научиться взрослым играм, чтобы не ударить лицом в грязь перед другими красотками. А может, и я где-то была виновата, раз допустила подобное.

- Всего лишь повзрослела, - мило улыбаюсь родителям Ромы. Владислав Игоревич давно доказал право отца, дав ему свою фамилию и отчество.

- Ну не скажи..., - Елена Владимировна все не может отойти от шока. Но тут же спохватывается, видя, что на мне медкостюм. - Так это ты оперировала Рому?! А мы сразу и не поняли, когда нам сказали про Людмилу Ильинична. Не ожидали тебя здесь увидеть. Даже не подумали, что ты уже оперируешь.

- Да, я оперировала. И ничего обнадеживающего сказать не могу.

Я только пожимаю плечами, когда мама Ромы начинает опять лить слезы. Муж старается ее успокоить, но он хочет и выяснить все тонкости.

- Люд, говори правду. Он может не выжить?

- Черепно-мозговая очень серьезная. Печень и легкое Кирилл Александрович зашил. Все работает. Но вот травмы могут нанести непоправимый вред. Может сердце не выдержать.

- Ой, - Елена Владимировна опять сотрясается в истерике.

- Тихо, Лена. Наш Рома сильный. Он справится. Чемпионы не сдаются.

- Его сейчас повезут в реанимацию. Там он пробудет под наблюдением до тех пор, как только будет возможно перевести его в хирургию для восстановления. Нам лучше спуститься. Не нужно видеть его в таком состоянии.

Ромка сильно избит. На его лице отеки и ссадины. Я их, конечно, обработала, но вид у него совсем плохой. Если бы не тату, сама бы не узнала. Если сейчас его в таком состоянии

увидит мать, её удар хватит.

- Лен, Люда правильно говорит. Пойдём вниз.

Владислав Игоревич уговаривает жену спуститься. Я же хочу уточнить у охраны, приходили ли сотрудники полиции, завели ли дело.

Удивительно, но в приемном покое остаются сидеть все те же четверо мужчин, которые принесли Рому. Дежурная еще не сменилась. Женщина кидается ко мне чуть ли не с криками:

- Как все прошло?!

За ней же подбегают и друзья Ромы.

- Все, что можно было, мы сделали. Теперь будем надеяться на молодой организм пациента.

Стараюсь отвечать шаблонными фразами, но получается тяжело. Мне от отчаяния кричать хочется. Я безумно боюсь за его жизнь. И страшно даже самой себе признаваться, что боюсь далеко не как за пациента.

- Его перевезти в другую клинику можно? - спрашивает один из друзей.

Мне бы этого не хотелось. Здесь я могу контролировать ситуацию, быть рядом. Но препятствовать намерениям родственников я не буду. Если Елена Владимировна и Владислав Игоревич решат, что их сыну будет лучше в частной клинике Москвы, я дам разрешение. Разумеется, в соответствии с регламентом и по состоянию пациента.

- Теоритически можно. Но пока лучше повременить. Хотя

бы первые сутки.

Мои слова слышат и родители Ромы.

- Люд, как можно будет, ты нам сообщи сразу же, - просит Владислав Игоревич. - Мы пока найдем клинику.

- А чего ее искать? В Склиф надо. Или в Бурденко. Наши все там восстанавливаются, - включается в разговор второй друг.

Они правы. Многократный чемпион не может восстанавливаться в обычной клинике на окраине Москвы, где даже с платными палатами проблема. Хотелось бы и мне перейти в Склиф или в Бурденко. Разумеется, в качестве сотрудника. Хотя бы на права пациента. Да вот мой стаж пока не позволяет это сделать. И руки "мохнатой" у меня в Москве нет. Пока приходится довольствоваться малым. Но моя мечта сбылась. Я хирург. Пусть мне и достаются преимущественно язвы желудка или воспаленные аппендициты. Это пока так. Иногда все же случаются экстренные ситуации, которые меня вдохновляют.

- Мы можем сами сделать запрос на перевод пациента, - вклинивается дежурная. - Людмила Ильинична, завтра же можно будет это сделать? Сегодня в воскресенье вряд ли кто этим займется. Но если состояние ухудшится, родственники смогут же посодействовать?

Она с надеждой смотрит на Владислава Игоревича и Елену Владимировну. А мне так и хочется ей треснуть за подобные мысли.

- Если состояние ухудшится, даже сегодня можно будет сделать запрос на перевод Арсеньева, - отворачиваюсь от женщины и объясняю родителям Ромы, чтобы они не переживали и не делали поспешных действий.

- Люда, держи нас в курсе. Пожалуйста. Как мать тебя прошу, - Елена Владимировна смотрит на меня умоляющими глазами.

- Успокойтесь, Елена Владимировна. Все будет хорошо. Езжайте домой. Отдохните. Не нужно так сильно волноваться.

Я пытаюсь успокоить женщину, досадно про себя думая о том, что не хотелось бы выдавать нашего знакомства медицинскому персоналу больницы.

- Люда, какие-то лекарства нужны? - деловито спрашивает Владислав Игоревич.

Я молча отрицательно киваю, но меня опять перебивает дежурная приемного покоя.

- Нужны! Точнее не лекарства. Крови в больнице нет. А вашему сыну пришлось много перелить из своих запасов, - дежурная говорит уверенно, но при этом взволнованно смотрит на меня. - Не могли бы вы сдать?

Да. С кровью в больнице проблемы. На плановые операции приходится заказывать со станции. Но определенные запасы должны быть в самой больнице. А нам пришлось хорошо "прошерстить" запасы. Теперь придется восполнять своими силами. И как можно скорее. Вдруг очередной тяжелый

пациент.

- Не вопрос, - друзья Ромы в унисон начинают закатывать рукава рубашек.

- Да, конечно, - подхватывает Владислав Игоревич, останавливая при этом жену, которая тоже готова пойти на любые жертвы. - Лена, а ты здесь посиди.

Елена Владимировна противится. Остановить ее удастся только мне.

- Елена Владимировна, посидите здесь. Я сама схожу.

Глава 4 Люда

Передав Рому в надежные руки врачей реанимационного отделения, я собираюсь домой. Григорьев приходит как всегда с опозданием. И с перегаром. Мне аж противно становится находиться с ним в ординаторской, поскольку его запах заполняет все пространство.

- Как ночь прошла? – интересуется Лев Николаевич.

Спрашивает для проформы. Поскольку, не дожидаясь моего ответа, уже улегся на диван, стоящий в ординаторской, и отвернулся к стенке. Пока я накидывала плащ, он уже уснул. Причем с характерным для не протрезвевшего человека храпом. Хватает же наглости человеку являться в таком виде на работу.

- Лев Николаевич! – забегают молоденькая медсестра Ульяна. – Ой, блиин...

Она морщится, понимая весь коллапс ситуации. Я понимаю и поддерживаю Ульяну. Дежурить в выходной день с врачом, который далеко не в форме, это то еще испытание. В свое время мне доводилось страдать и волноваться. Пока я сама была медсестрой и бегала по поручениям Григорьева.

- Ну и как с ним работать сегодня? – сетует Ульяна. – Еще и на должность заведующего отделением метит!

- Откуда такая информация? – спрашиваю медсестру, поскольку слышу подобное в первый раз.

- А что, не видно что ли?! Он уже в хлам охамел! Чувствует себя чуть ли не главврачом! Всюду вас подставляет.

Да, у нас нет заведующего отделением. Моего опыта не хватает, да я и не стремлюсь к этому. Считаю, что мне нужно набираться опыта возле операционного стола, а не разгребая бумаги.

- Ладно. Все это слухи и домыслы.

Говорю, как можно серьезнее, чтобы прекратить этот разговор. Когда я уточнила у Ульяны желание занять пост заведующего, думала, что этот вопрос действительно рассматривается главврачом. Не буду скрывать, не хочется мне работать под руководством Григорьева. Он не всегда соблюдает субординацию. Может отвесить в мою сторону похабную шутку. Нередко нагло клеится к медсестрам. Некоторые самые молоденькие так и не понимают его злых намерений и отвечают ему. Вот только потом им всем приходится искать новое место работы. Не любит Григорьев заигрывать долго с одной и той же медсестрой. Он быстро находит замену. Пусть даже не в нашем отделении.

- Дыма без огня не бывает. Но это ладно, - решает Ульяна тоже закрыть тему. – Мне-то что делать?!

- А что такое?

- Так вы прооперировали чемпиона Арсеньева! Его же надо перевозить в какую-нибудь более презентабельную клинику! Что мы здесь сможем сделать?!

- Это тебя в реанимации настрополили? – спрашиваю уже

сердито, поскольку надоели мне эти разговоры.

- Мне врачи из реанимации сказали, что нужно от него избавляться...

Ульяна осекается, потому как внутреннее слово «избавляться» было произнесено вслух. Я давно борюсь с этим в своем отделении. Григорьев всегда норовит «сбагрить» тяжелых пациентов в другую клинику. Даже когда мы дежурируем по своему району. Не хочет он брать на себя ответственность за человеческие жизни. У меня же иное мнение на этот счет. Поэтому мы всегда с ним ругаемся. Скорее всего, если у Льва Николаевича получится занять пост заведующего отделением, я буду искать другое место работы.

Не сказав ни слова медсестре, спускаюсь в реанимацию. Понимаю, что смена поменялась. «Предыдущие» восприняли ситуацию спокойно и даже не стали углубляться в подробности статуса пациента. Новая смена решила или выделить себя, или облегчить себе работу на ближайшие сутки.

- В чем дело? Почему решаете вопрос перевода пациента без его лечащего врача?

Я уже разозлилась, но стараюсь вырабатывать профессиональный тон. В нашей работе нельзя давать волю эмоциям. В принципе у меня это получается, но сейчас мы впервые столкнулись с таким сложным случаем. И тут мне приходится принять, что дело не в состоянии пациента, а именно в его статусности.

- Людмила Ильинична, - вступает со мной в спор дежур-

ная медсестра. К сожалению, я не запоминаю их имен. – Это же сам Роман Арсеньев! А у нас даже дежурного врача сейчас нет! Придет только завтра. А если ему плохо станет? Что мне делать?!

- Ты не умеешь интубировать? Ты не знаешь, как делать непрямой массаж сердца? Ты не знаешь, что в случае снижения сатурации крови пациента нужно подключить к аппарату ИВЛ? Тогда что ты здесь делаешь? Да еще и на должности старшей медсестры?

Женщина средних лет запнулась на следующих словах, но тут же нашлась:

- А если он умрет?! Вы понимаете, что будет с нашей больницей?!

- Не с нашей больницей, а со мной. Не стоит перетягивать на себя одеяло, когда вы к этому не имеете отношения.

Слегка успокоившись, добавляю:

- Как оперировавший хирург, я запрещаю перевозить Арсеньева в первые сутки.

- Под вашу ответственность, Людмила Ильинична, - вздернула подбородок медсестра.

- А когда-то бывало иначе?

Я понимаю, что Роме было бы лучше в другой клинике. Где лучше оснащение, где ему дадут личный и должный уход. Но транспортировка его сейчас может обернуться осложнениями. Хотя показаний для категорического отказа у меня нет. В то же время, если смотреть с юридической

стороны, в случае его кончины в другой клинике всю вину могут попросту «свалить» на меня. Если дойдет дело до суда, я и в тюрьму сесть могу. Здесь же я контролирую ситуацию. Я могу объяснить свои действия. Могу заверить, что состояние Ромы стабильное. Пусть и тяжелое. Его жизнь не висит на волоске, но может оборваться в случае неправильно проведенной транспортировки. Поэтому так будет спокойнее. Хотя бы первые сутки мне нужно держать руку на пульсе. Для жизни Ромы и моей. Его физического состояния и моего юридического.

Выйдя с приемного покоя, понимаю, что мне лучше сейчас вызвать такси. После суточного дежурства и сдачи крови совсем нехорошо. В метро могу попасть в неприятную историю. Лучше раскошелиться.

Пока жду машину, дышу свежим воздухом. Хорошо на улице. Чувство полного умиротворения не покидает. Даже при мыслях о состоянии Ромы я пребываю в уверенности, что все будет хорошо. И с ним. И со мной.

Только по отдельности. Как было и до этого.

Невольно, усаживаясь в такси, вспоминаю прошлое...

- Семья! Кажется, нужно ехать.

Елена Владимировна стоит перед нами с сумкой в роддом и смотрит взволнованно на мужа. Она рождает второго. Точнее вторую. Но видно, что женщине страшно. Еще бы. Отважиться на рождение дочери почти в сорок лет.

В свои шестнадцать мне кажется, что это очень поздно. Надо бы пораньше.

- Лена! Ты чего?! Бежим скорее!

Владислав Игоревич в панике. Еще бы! Первый ребенок в его сорок четыре.

- Так, дети мои. Не шалить, не бузить, никого не приглашать на ночь глядя, убрать со стола, лечь вовремя, - Елена Владимировна дает нам с Ромой наставления.

- Елена Владимировна, все под моим контролем! – встаю ответственно, понимая, что женщине сейчас нельзя волноваться. И что бы мы тут с Ромой не придумали, она должна оставаться в неведении. Хотя мы ничего и не будем творить.

- На тебя, Люда, только и надеюсь, - улыбается мне Елена Владимировна, и мне на душе становится спокойнее. Приятно, что в этой семье меня принимают, как родную.

- Э, а я чего, уже не в счет?! – будто с обидой вопрошает Рома.

- А ты слушайся Люду.

Вердикт мамы Ромы мне понравился.

Чета убегает в ночь вперед в свое светлое будущее. Уже через пару часов они станут счастливыми родителями дочурки Полинки. Прелестной девочки, которую я помню совсем крошкой. Ей тогда и двух лет не было...

- Все, Ром. Поздно уже, давай со стола убирать и спать. Нам завтра на учебу, - говорю так, будто меня оставили за директора.

- Ой, Ильинична, не бузи, - морщится Ромка, при этом начиная убирать со стола.

Он всегда так говорит, но мои просьбы выполняет, прислушивается к моему мнению.

За пару минут стол был убран. Уже дома встаю возле раковины, чтобы помыть посуду. Кухня огромная и удобная. Готовить здесь - одно удовольствие.

- Люд, здесь посудомойка есть, - поправляет меня Рома.

- Да ну ее, - отмахиваюсь. - Пару тарелок можно и самой вымыть.

- Вот любишь ты себе жизнь усложнять, - делает мне замечание.

Я удивлена его словам, поэтому когда он в очередной раз заходит с улицы и закрывает на ключ входную дверь, спрашиваю:

- В чем я усложняю?

Ромка, пожимая плечами, начинает перечислять мои недостатки:

- Ты всегда много думаешь. Нет бы решиться на спонтанные действия! Тебе нужно все взвесить, тщательно проанализировать, сопоставить плюсы и минусы, а уже потом принять решение.

- Это плохо?

- Иногда это выглядит ужасно.

Молча домываю вилки, решаясь на спонтанные действия. Я не привыкла пасовать перед трудностями. Поэтому решаю

ую показать Роме, что я могу быть другой.

Подхожу к Роме ближе и коротко целую его в щеку.

- Ты чего?! – он чуть ли не отпрыгивает от меня.

- Совершаю спонтанные действия.

Констатирую словно данность и факт, уходя в сторону гостиной.

- Ром, а где я буду сегодня спать?

Тут же перевожу тему, потому как за свой поступок мне несколько неудобно. Мама и бабушка вложили в мою голову, что первый шаг должен делать мужчина. В моем случае парень. А если уж совсем конкретно, так Рома. Но он не спешит даже проявлять мне знаки внимания, как парень.

До переезда в Москву я слушала, как ему нравится его одноклассница. Алина Ельпина. Но он был слишком горд, чтобы проявлять к ней чувства. У них там что-то нехорошее получилось, отчего Рома решил, что прогулки с ней – это унижение его мужского достоинства.

При этом Рома часто звал меня гулять, нередко пренебрегая прогулками с друзьями. Мальчишки в первое время посмеивались над ним. Но после прекратили. Тогда я боялась, что Рома примет решение большинства. Ведь я Люда-ботан. Отличница и зануда. У меня предпочитали списывать, что я давала делать очень редко. Поэтому меня и не взлюбили. Но он продолжал со мной дружить. И нам действительно было интересно проводить время вместе.

Рома частенько делал мне замечания из разряда:

- Люда, не нуди...

И я его слушалась. Он помогал мне вырываться из кокона «ботана», над которым вся школа потешалась. Поэтому в последний год моего обучения, уже без присутствия Ромы, мне стало гораздо легче общаться со сверстниками. Не буду лукавить, что большинство по-прежнему хотело просто у меня списать. Но теперь меня стали приглашать на дни рождения и просто погулять. Просто так. Без корыстных мыслей.

Рома помогал мне. Я помогала Роме. Прожив год без него, поняла, что очень хочу нашего прежнего общения. Он мне нравится, как парень, как человек, как друг. Я не тешу себя иллюзиями, что у нас получится именно встречаться с ним. Но дружба на расстоянии, общение по скайпу мне надоели. Поэтому я забрала документы из школы и поступила в медколледж Москвы.

Мама и бабушка никогда бы не потянули оплату института. А сама я не была уверена, что поступлю в медицинский на бюджетной основе. А врачом стать очень хотелось. Взвесив все преимущества и недостатки, подумав над возможностями и сложностями, проведя полную аналитику ситуации, я выбрала доступное мне на тот момент обучение. Медколледж – не самый дурной вариант.

Поэтому в тот вечер, первого сентября, четырнадцать лет назад, я оказалась в гостях у Арсеньевых. И признаюсь честно: мне это очень нравится. Я восхищаюсь Владиславом Игоревичем и слегка завидую Роме, что теперь у него есть отец.

Вот такой настоящий. Который не только дал ему свою фамилию, но и становится настоящим наставником по жизни. Он очень сильно любит Елену Владимировну. Глядя на них сегодня, я поняла, что эта та пара, на которую нужно равняться. Все остальное – чушь, блажь и унижение собственного достоинства.

- Так где мне спать ложиться? – еще раз переспрашиваю Рому уже настойчивее.

Он стоит и смотрит на меня потерянным взглядом. Потом с легкой улыбкой выдает:

- Ну, судя по тому, что ты удумала, в моей спальне...

Глава 5 Люда

Весь день воскресенья я проспала. Вечером мне только хватило сил, чтобы связаться с реанимационным отделением и узнать о состоянии Арсеньева. Состояние стабильное, но остается тяжелым. В себя не приходил. Это и радует, и огорчает. С одной стороны радуемся, что живой. С другой – переживаем за сложность всего положения.

Помню, когда Рома попал в больницу с травмой головы в четырнадцать лет, его обследовал какой-то продвинутый московский профессор. Но если сейчас родители Ромы промолчали об этом, значит, его уже нет в живых. Или он очень стар и слаб, поэтому помочь не сможет. Он и тогда был сильно пожилым. Надо бы поискать другого. Более компетентного в этих вопросах. Хотя бы для консультации.

Но опять же, этим лучше заниматься родителям Ромы. Владислав Игоревич может подключить людей из спортивного комитета. Да они и сами в стороне не останутся. Я удивляюсь, как еще в новостях не пестрят заголовки, что чемпион Роман Арсеньев был жестоко избит и сейчас находится в государственной больнице на лечении. Уверена, что мы получим порцию отходов жизнедеятельности сразу же, как только поклонники и соратники узнают обо всем. В большей степени будут отыгрываться на мне. Любое мое неверное действие вызовет новый ажиотаж, всплеск. Боюсь, что мне придется

скрываться от журналистов. А если в мою сторону полетят тухлые помидоры, так я вообще не удивлюсь.

Обнадеживает тот факт, что Елена Владимировна и Владислав Игоревич сегодня прислушались ко мне и не стали пороть горячку с транспортировкой Ромки в более престижное учреждение. Быть может, они доверились моим словам? Поверили мне? Хотелось бы... Это будет еще один шаг к моему личному Олимпу.

Я безумно хочу стать хорошим хирургом. Таким, чтобы про меня говорила, хотя бы вся Москва. Мне не нужны богатства и яства. Я хочу просто оперировать сложные случаи. Я радуюсь как ребенок, когда меня зовет Петров к себе в ассистенты. У него раковые опухоли, сложные мутации. Да даже поглядеть одним глазком на такую операцию для меня уже огромное счастье. Раньше он нелегально в обход главврача звал меня в качестве медсестры. И моя задача была только стоять в уголке и ассистировать реаниматологу или же ассистенту самого Кирилла Александровича. Делалось это только лишь для того, чтобы я могла посмотреть операцию хоть одним глазком. Почему-то Петров проникся ко мне. Возможно, он увидел во мне потенциал. Прошло всего несколько лет и сейчас я выступаю в качестве его ассистенту на законных основаниях. Не просто смотрю, но и участвую. Впитываю каждое его слово, запоминаю каждое его движение. Кирилл Александрович первоклассный специалист в своем деле. Он на хорошем счету в клинике. Наш

главврач поседает окончательно, если Петров захочет уйти на более денежное место. Но Кирилл Александрович не гонится за деньгами. Он просто хочет помогать людям. У него отличный коллектив в отделении. Чего не скажешь о нас...

В этом я еще раз убедилась, когда сегодня в понедельник вышла на работу. Лев Николаевич еле продирает глаза, чтобы хоть как-то презентабельно выглядеть на утренней планерке у главврача. Сама от себя такого не ожидала, но аккуратно и незаметно посмотрела на него со скепсисом. И ты метишь в заведующие? Будем надеяться, что у главврача не поднимется рука подписать приказ.

- О, Соколова! Пришла ко мне...

Мужчина делает резкий выпад в мою сторону, когда я захожу в ординаторскую. Его намерения понятны. Он хочет меня приобнять, что дико раздражает. Происходит это уже не в первый раз, поэтому я инстинктивно подаюсь назад.

- Здравствуйте, Лев Николаевич.

Стараюсь говорить строго, но без высокомерия, поскольку не хочу ругаться с утра с человеком, с которым мне еще в течение дня работать.

- Почему ты такая бука? – Григорьев тут же убирает свои руки в карманы халата и идет на выход из ординаторской. Будто и не собирался меня похабно притягивать к себе. Я не всегда успеваю отчкочить.

- Я на работе.

- Намек понял. Но ты же знаешь, что мы с тобой работаем

на износ. И у нас просто нет возможности встретиться после работы. Почему бы нам здесь не поговорить? Не сблизиться...

Его улыбка вызывает во мне приступ отвращения. Никогда мне не нравились подобные подкаты. И вообще. Григорьев мне как человек-то не нравится. Что уж говорить о нем, как о мужчине?

Льву Николаевичу около сорока лет. Был дважды женат. Детей не имеет, потому как считает их «проблемными существами». Бегает за каждой молоденькой юбкой, и вот за моими джинсами увивается уже больше года. И возможно, я бы смотрела на него, как на мужчину. Смогла бы оценить, симпатичный он или нет. Но его похабные шутки в мою сторону и иногда грязные приставания пробуждают во мне лютую ненависть. Ее мне приходится контролировать. Не хочу, чтобы наши с ним пререкания на тему ниже пояса вышли за ординаторскую.

Молча снимаю плащ, одаривая Григорьева взглядом ненависти и злобы. Он понимает мой настрой, поэтому просто уходит. Я стараюсь меньше с ним контактировать. А особенно оставаться наедине. Потому что, когда он злой оказывает мне знаки внимания, я боюсь ему грубить. И даже отвечать отказом. Я не знаю, чего ждать от этого человека. Слишком он темный и закрытый для меня.

У главврача все получают выговор за отработанные выходные. Благо на словах. Я жду, когда же начнут линчевать

и меня. Понимаю, что меня оставили на конец. На десерт. Слова начальства я могу произнести сразу, практически без ошибок.

- И последнее! Все уже наверняка в курсе, что у нас в реанимационном отделении лежит Роман Арсеньев, - начал Иннокентий Игнатович. - Четырехкратный чемпион Европы, двукратный Мира и Олимпийский чемпион. Поступил к нам в тяжелом состоянии. Оперировали его Соколова и Петров. Петров! Как вы можете объяснить это все?

Я опешила. Лечащим врачом у Арсеньева являюсь я. При чем здесь Петров? По документам он был моим ассистентом, хотя ему и пришлось поработать в полную силу.

- Поступил тяжелый. Пришлось принимать меры быстро и безоговорочно. Нельзя было не среагировать и не спасти жизнь человеку, - скупой на эмоции отвечает Петров.

Честно говоря, я не думаю, что Кирилл Александрович начнет меня топить. Но и на мою защиту в случае чего не встанет. Вот прям явно защищать меня не начнет. Больше, как и сейчас, будет отнекиваться общими фразами, в обход моей деятельности.

- Каким образом он поступил? Не было никакого звонка на станцию. Его в принципе не должно у нас быть, - допытывается до врача Иннокентий Игнатович, что меня уже начинает нервировать.

Петров молчит. Он и не вдавался в подробности.

- Отвечай ты тогда Соколова. Раз ты его лечишь и запре-

щаеть транспортировку.

Иннокентий Игнатович уже седовласый, но довольно крепкий мужчина. Свой пост выгрызал. Поэтому его понять можно. Случись чего, под раздачу попадем мы все. Его также привлекут к ответственности.

- Арсеньева принесли с побоями из клуба. Он рядом с больницей. В двух кварталах. Ситуация была такой, что медлить нельзя. Пришлось братья самим.

Не могу я пасовать перед трудностями. Поэтому даже сейчас, объясняясь с начальством, говорю уверенно. Даже подбородак немного задрала. Я все сделала правильно!

- А почему его нельзя транспортировать в другую клинику? – допытывается главврач до самого жаренного.

- Я не говорила, что нельзя. Я только сказала, что транспортировка в первые сутки может вызвать осложнения.

- Да?! А вот медсестра из реанимационного отделения в своей докладной написала, что вы именно запретили перевозить Арсеньева.

Иннокентий Игнатович трясет листком бумаги, на котором от руки написана жалоба на меня дежурной медсестрой реанимации. Я не вижу сочувствующих взглядов коллег. Я лишь не выдерживаю и вслух четко произношу:

- Вот сучка...

Глава 6 Люда

От меня явно не ожидали подобного. Поскольку я всегда стараюсь сдерживать свои эмоции. Общаюсь с очень узким кругом врачей. Поэтому сейчас я лишь краем уха слышала несколько ухмылок коллег. Зато увидела начальника в гневе. По аналогии со мной всегда уравновешенный Иннокентий Игнатович с психом кладет на стол лист с докладной медсестры, бьет по нему кулаком и рывкает:

- Планерка закончена! Все свободны, кроме Соколовой!

Впервые вижу мужчину в таком возбужденном состоянии. Боюсь, что сейчас будет кричать на меня, не стесняясь в словах, выражениях и действиях. Может быть даже в меня и полетит что-то. Наверное я заслужила этого, хотя все делала по инструкции. И по совести. Боюсь, что Иннокентий Игнатович именно сейчас поставит систему превыше всего. Чему я совсем не рада. Его гнев на меня настолько сильный, что я приготовилась слушать крики и ор в свой адрес, даже не вслушиваясь в слова.

Но я ошибалась.

Как только все вышли из кабинета, главврач спокойным тоном указывает мне на стул напротив своего стола.

- Садись. Разговор есть.

Я не пасую перед трудностями. Но оставаться наедине с разъяренным мужчиной страшно. Стараясь быть спокойнее,

усаживаюсь напротив него. Все же есть шансы, что из кабинета я выйду живой.

- Люд, ты конечно же молодец, - произносит Иннокентий Игнатович будто с сожалением. Или с облегчением? – Я понимаю твой порыв и посыл. Тот факт, что ты взялась за него, провела такую сложную операцию, указывает на твой профессионализм. Растешь. В моих глазах и глазах сотрудников. Поэтому уже и жалобы на тебя катают.

От удивления у меня округляются глаза. Но лишь на мгновение. Я держусь. Спокойно.

- Куда было бы страшнее, если бы ты пошла на поводу у дежурной приемного покоя и отправила бы Арсеньева в другую клинику. А он по дороге бы умер. Вот тогда бы нас точно затаскали по судам. Так что и с юридической точки зрения все сделала правильно. Отстояла свою честь и нашей больницы. Кстати, дежурная приемного покоя тоже написала на тебя докладную.

Главврач достает второй лист. Складывает их с первым и рвет на мелкие кусочки, выбрасывая мусор в корзину под своим столом. Иннокентий Игнатович при этом так морщится, что даже инстинктивно протирает руки о свои брюки.

- Весь этот спектакль здесь я устроил, чтобы люди остальные не подумали о том, будто бы ты моя любимица. Ты знаешь, как у нас любят косточки перебивать. Того и гляди, в любовницы мои тебя запишут. У нас это любят. Я от вас молодых не знаю как отбиться.

От этих слов мне смешно, но я не смеюсь, потому как его слова правдивы. Ко мне и так относятся предвзято. Молодая, красивая (да, теперь я не синий чулок), с образованием и имею определенное уважение от главврача. Если бы сейчас Иннокентий Игнатович не принял докладные, а объяснил мою правдивость, среди медсестер, а затем и врачей, пошли бы очень нехорошие слухи.

- Теперь поговорим об этом чемпионе. Забываем на время о его званиях и регалиях, но помним, что это известная личность, - главврач перешел на заговорщицкий тон. Он даже слегка подался ко мне вперед. – Ты его прооперировала – молодец. Это в твою копилку личной кармы. Ты знаешь, что мы ждем человека от Минздрава на должность заведующего вашего отделения.

О как! То есть мы ждем человека, а не выбираем между мной и Григорьевым. На душе немного спокойнее стало.

- Если вдруг до осени никого не пришлют, я буду ставить вопрос о твоём назначении.

- Как это? – тут я совсем опешила.

- А вот так это. Мне так будет спокойнее. Чем какой-то незнакомец сейчас придет и черте что творить начнет! Если начнут противиться по поводу твоего назначения, я им операцию этого чемпиона выставлю как твое главное достижение. Но это, если все пройдет гладко. Ты понимаешь, что состояние его сейчас очень шаткое. Поэтому ты забываешь обо всех окружающих, забываешь о наличии врачей в реанима-

ции, и сама наблюдаешь за состоянием больного.

Здесь для меня нет ничего нового. Я и не собиралась бросать своего пациента на попечение малознакомых, а иногда и малограмотных врачей. Тем более, что это Рома. За него я отвечаю головой. Перед самой собой. Перед Еленой Владимировной и Владиславом Игоревичем. Я не могу подвести чету Арсеньевых. Если уж я пообещала спасти их сына, значит, должна сделать все возможное и невозможное.

- На данный момент в нашей больнице все есть. Транспортировка его в другую клинику без надобности. Но не до фанатизма, Людмила! Если вдруг ты видишь, что состояние ухудшается, сразу же звонишь мне. Я уже договорился в Склифе, что они его примут. Фамилию пока называть не стал. Просто пациент. Поэтому в случае чего просто перевозим и все. Не примазываемся к достижениям его лечения, укладываемся на дно. Но если дело выгорит... Мы можем хорошо сыграть на этой теме.

- В каком смысле? – не понимаю уже совсем.

- Людмила Ильинична, раскинь мозгами! Если мы вылечим самого Арсеньева Романа, нас отметят в Минздраве! Это же дополнительное финансирование! Наверное. Очень надеюсь на это...

- Иннокентий Игнатович, - говорю с укором, кивая головой с осуждением.

- Что Иннокентий Игнатович?! У нас томограф полетел! У нас дефибрилляторы в реанимации еле работают. Иногда

через раз. Если сейчас у Арсеньева сердце остановится, возможно, вручную придется заводить! Ты пойми, спасая одного известного, мы можем спасти кучу простых людей. Ты же работаешь в хирургии. Пусть редко, но и тебе доводится оперировать людей с внутренними кровотечениями. Про онкологическое отделение и говорить не приходится. Я каждый месяц ломаю голову, как бы выкроить деньги на ремонт или покупку нового оборудования. Пока очередь до нас дойдет на бесплатное оснащение, мы можем людей потерять. И работу! У нас же как: обеспечить сложно, а уволить запросто!

Да. К такому я не была готова. Взявшись за операцию Ромы, я даже не подумала о подобной финансовой перспективе.

- Я поняла вас, Иннокентий Игнатович, - хочешь - не хочешь, а правдивость его слов признавать приходится.

- Очень хорошо. Значит так, Арсеньев – это теперь твоя личная головная боль. Будь внимательна и бдительна. Звони мне в любое время дня и ночи.

Обговорив наш заговор, я удаляюсь работать. Первым же делом иду в сторону реанимации. По пути встречаю коллег, которые смотрят на меня с ехидством и ухмылками. Это не больница. Это змеиное логово какое-то. Все ждут, когда же я облажаюсь. Впрочем, если бы на моем месте оказался тот же Петров, реакция была бы анологичной. Очень мало народу его бы поддержали. В первую очередь это были бы коллеги из его же отделения, я и пару врачей.

В реанимации меня встречает сам врач. Кажется Денисов.

- Здравствуйте, - вежливо здороваюсь с мужчиной.

- О, уже наполучала от начальства? - смеется открыто

мужчина, не скрывая своего ехидства.

- Есть немного, - смущаюсь для вида.

- Даааа, дала ты маху. Пришла погрузить над своим провалом?

- Что-то вроде этого. Как он?

- В себя не приходил, состояние без изменений. Да ты зайди, сама полюбуйся. А то уже родственнички названивали с утра. Угрожали, что если что с ним случится, нам не поздоровится. Еле отбились от них. Очень скандальные люди.

Мужчина кивает мне на палату и уходит. Я же удивляюсь над фантазией врача. Если бы не знала родственников Ромы, поверила бы и слегка испугалась. Но я уверена в чете Арсеньевых. Может быть они и будут негодовать, но сыпать сейчас угрозами – это не про них.

Захожу в палату. Вижу Рому. Всего в проводах. Рядом целая стойка оборудования и медсестра, которая ставит новую капельницу. Она молча выходит из палаты, даже не посмотрев в мою сторону. Видимо, медсестры реанимационного отделения объявили мне бойкот.

Подхожу к Роме. Отеки с лица немного сошли, и теперь я вижу знакомые черты. Дотрагиваюсь до его плеча. Аккуратно, чтобы не потревожить. Литые мышцы ощущаются даже сейчас, в расслабленном его состоянии. Как и я, все эти

двенадцать лет Рома уделял своей внешности много внимания. Теперь это не восемнадцатилетний долговязый пацан, с чуть зарождающимся мужским корпусом. А самый настоящий качок. Правильно его тогда Зина «обозвала». При любом другом раскладе Ромой можно было бы любоваться. Чем я сейчас и занимаюсь, слегка застыв на его лице и мускулах.

Отрываюсь от Ромы и начинаю изучать приложение к истории болезни. Оно лежит рядом. В нем фиксируются нужные показатели. В течение суток Рома их держит вполне сносно. Некоторые даже в норме. Беру ручку, записываю новые данные. Может, что и получится у нас с тобой...

В последний раз хочу посмотреть на Рому. Перевожу взгляд и чуть ли не падаю в обморок от страха.

Это действительно страшно...

На меня смотрят два открытых глаза. Сквозь отеки и синяки. Два темно серых зрачка. Да они еще и моргают.

- Рома...

Зову его тихо и вижу, что он реагирует на мой звук.

- Ты меня слышишь?

Рома медленно опускает веки и поднимает их. Кивнул мне.

- И видишь? – я уже начинаю улыбаться, но он явно этого не видит за моей маской.

Рома опять подтверждает.

- Вот и хорошо, - шепчу ему и говорю с тяжестью в груди. От его пробуждения мне плакать хочется. Но нельзя. Не

сейчас. – Как же ты нас напугал...

Рома, как может, делает резкий подъем головой, который я запрещаю, положив ему руку на лоб. Придавая силу своим действиям, объясняю:

- Тише. Тебе нельзя сейчас делать резких движений головой. И вообще. Лежи спокойно. Отдыхай, - беру его руку в свою и слегка поглаживаю пальцем ладонь. Нужно успокоить его. – Небось устал на своих сборах.

Он не сводит с меня взгляда, который становится все яснее. Теперь я поглаживаю ему лоб одной рукой, и ладонь другой. Как же приятно вновь к тебе прикоснуться.

«Разговор» глазами через минуту заканчивается моим вердиктом, от которого у Ромы чуть дергается уголок губ:

- Я тебя на тот свет не отдам...

Глава 7 Люда

К четвергу состояние Ромы заметно улучшилось. Навещая его каждый день и по несколько раз, смогла заметить даже визуальные улучшения. Рома больше бодрствовал, взгляд становился яснее, подвижность в пальцах рук и ног улучшалась. Он хорошо держит показатели. Слышит, видит, реагирует на свет, голос, прикосновения. Его не парализовало, как это было тогда. В наши четырнадцать лет.

Я каждый день его навещаю и зачастую не одна. А с Иннокентием Игнатовичем. Он настолько боится за состояние Арсеньева, что начал принимать успокоительные. Мужчина уже в возрасте, поэтому подобные изменения в нашей клинике для него огромный стресс. Ранее нам доводилось оперировать людей из «простых». Зачастую нашими пациентами становились пенсионеры. Иногда экстренно попадала и молодежь, ну или относительная молодежь. Человек же такой величины, как Арсеньев, в стенах нашей больницы не был ни разу. Не то что оперировался.

- Веришь, нет ли, а я уже со снотворным только засыпаю, - пожаловался мне главврач. – Жене рассказал обо всем. Так теперь и она на успокоительных сидит.

- Могу вас и вашу жену порадовать, - слегка с улыбкой пытаюсь его успокоить. – Арсеньева можно забирать в отделение.

- Ты так думаешь?

- Да. Речь пока не вернулась к нему, но судя по динамике, дело нескольких дней.

Рома пытался говорить. И даже издавал какие-то звуки, когда я задавала ему вопросы. Он мог покачать головой в знак согласия или отрицания. В целом, с должным уходом Ромка поправится быстро. Вот только, кто ему этот уход обеспечит? В нашем отделении этого нет. Не потому что мы плохо работаем, а потому что на все отделение всего одна медсестра. Конечно, она ухаживает за больными после операции. Но в случае с Ромой процесс может затянуться. Если только медсестра сама интерес не проявит.

В нашем отделении одна только Зина – женщина «в возрасте». Остальные две медсестры молоденькие. И они уж точно не откажутся проводить рядом с Ромой больше времени. Интересно, а Рома заинтересуется подобным проявлением внимания в его сторону? Будет ли он рассматривать наших девочек, как когда-то моих сокурсниц. С интересом и явным заигрыванием. Что-то мне не по себе от этих мыслей. Вроде и ничего такого в этом нет. Я же не жена ему, не могу запретить. А с другой стороны, вспоминается его общение с девушками ранее. Тогда меня это не просто беспокоило, а даже обижало немного.

Иннокентий Игнатович дает «добро» на перевод Ромы. Я с радостной новостью иду в реанимацию.

- Рома, - я уже говорю чуть громче, потому как мой голос

не вызывает у него головных болей. – Хорошие новости. Ты отправляешься наверх!

При этом я активно жестикулирую руками и поднимаю палец, указывая в потолок.

Лицо Ромы поменялось. Из спокойного и умиротворенного оно стало беспокойным и возбужденным. Арсеньев смотрит на меня и сдвигает брови к переносице.

До меня не сразу доходит абсурд сказанного.

- Ой, нет! Ты что?! – если бы это был какой-то незнакомый пациент, я бы сквозь землю провалилась и еще очень долго извинялась. Но это Рома. С ним можно быть немного спокойнее. Хотя я и чувствую вину за сказанное. Напугала чемпиона. – Я имею в виду свое отделение хирургии. Оно находится на четвертом этаже. А ты сейчас на первом. Так что тебя сейчас подготовят, и ко мне привезут. Продолжим лечение там. А главное, активное твое восстановление до удовлетворительного состояния.

Улыбаюсь Арсеньеву, не снимая маски. Глажу его аккуратно по голове, практически не дотрагиваясь. Только по тому, что это Рома, допускаю подобные вольности.

- Помни, что тебе нельзя делать резких движений. Ни головой, ни конечностями. Одним словом, будь аккуратнее.

Напоследок подмигиваю ему и убегаю в свое отделение. Нужно сообщить Зине, что самому чемпиону потребовалось место. Вот только непонятно: надолго ли.

Я, пребывая в хорошем расположении духа, была увере-

на, что родители Ромы заберут его в более лучшие условия. Неважно, бюджетная клиника это будет или частная. Ко второму варианту я склоняюсь больше всего. Все-таки Роме в скором времени потребуется качественное оборудование для физического восстановления, улучшения подвижности конечностей.

Родители Ромы все это время были со мной на связи. В реанимацию их пустили только один раз. Как и положено по закону. В основном спрашивали о состоянии у меня. В разговоре они ни разу не сказали о переводе. Возможно, просто ждали улучшения состояния. Поэтому я звоню Елене Владимировне и сообщаю радостную новость, желая услышать об их намерениях. Но мама Ромы молчит. Ни слова о переводе. Сама же я не решаюсь задать данный вопрос. Боюсь выглядеть черствой. Также это нарушает этику медперсонала. Мы не имеем права просить родственников забрать пациента, в каком бы состоянии он ни был. В данном случае состояние Ромы еще плохое. Получается, будто врачи выгоняют пациента. Понимаю, что родители Ромы отнесутся к этому спокойно, но мало ли...

В результате ближе к обеду Рому привозят ко мне в отделение. Укладывают в шестую общую палату к окну, где жесткая сетка на кровати и дополнительно уложены доски. Ромке нужна жесткая поверхность во избежание еще больших повреждений. На данный момент – это лучшее, что может предложить отделение хирургии бюджетной больницы

на окраине Москвы. В целом у нас чисто, лекарств для лечения Арсеньева хватает. Дело за малым – за уходом.

Ближе к вечеру, в положенное для посещения время, приезжает чета Арсеньевых.

- Людмила Ильинична, мы бы хотели узнать о состоянии нашего сына, - начинает деловито Елена Владимировна в палате. Я сама попросила не распространяться о нашем знакомстве. Тем более, когда Рома начнет проходить лечение у меня в отделении.

Объясняю все тонкости, возможные риски, и уже сама, рискуя репутацией больницы, задаю вопрос о его транспортировке. Делаю это только по тому, что вижу реакцию родителей Ромы на обстановку в палате. В целом они люди не избалованные в плане комфорта, но вдруг уже что поменялось. Опять же, для себя можно потерпеть что угодно. А видеть, как твой сын лежит на досках, а не на жестком ортопедическом матрасе, тяжело. Объясняю, что лучше провести транспортировку через принимающую клинику. Возможно, их кареты скорой помощи более комфортабельны, оснащены дополнительным оборудованием. Обещаю участвовать при транспортировке, чтобы в случае чего оказать необходимую помощь.

Арсеньевы мешкаются с ответом.

- Мы подумаем над этим, - слегка улыбается мне Владислав Игоревич, а Елена Владимировна кидает вопросительный взгляд на сына.

Понимаю, что мне нужно удалиться. Они должны решить этот вопрос между собой. Рома соображает и может дать ответ. Пусть общаются.

Мне опять сегодня довелось остаться на дежурстве. Григорьев просит о подменах постоянно. Наверное, впервые я действительно рада такой возможности. Ромку перевозить вечером не будут, поэтому я могу понаблюдать за его состоянием вне реанимации и оценить динамику. Это поможет в дальнейшем лечении и возможной транспортировке.

- Мне нужна Соколова Людмила Ильинична.

На пороге ординаторской паренек лет двадцати.

- Я Людмила Ильинична. А вы кто будете?

- Меня зовут Степа. Степан. Мне нужно получить у вас разрешение на круглосуточное пребывание здесь. Я сиделка.

- Кто? – кажется, я забыла русский язык.

- Меня Арсеньевы наняли. Я учусь в меде. Работать могу только по ночам, но мне нужно разрешение на сутки. По выходным тоже я буду. А вот кто будет за Романом в дневное время приглядывать, я не знаю. Но утром меня обещали сменить.

Парень говорит уверенно. Смотрит на меня и не понимает моего недоумения. На автомате подписываю ему бумагу. Степан уходит по направлению шестой палаты.

Это что же? Рому не будут забирать?

Глава 8 Рома

- Роман Арсеньев! – судья объявляет мое имя, и мы с ним победоносно поднимаем руки.

Да. Очередное золото. Очередной пьедестал почета. Очередная награда. Очередное признание тебя самым сильным борцом России. Очередное признание себя профессионалом. Тебе всего тридцать. Вся карьера впереди. А ты уже всем все доказал. И самому себе тоже. Ты уже не просто известная личность. Ты знаменитость. Ты не просто добился успеха. Ты обеспечил себе прекрасную достойную жизнь в будущем.

Что еще для счастья надо?

Не знаю...

Но чего-то определенно надо...

Друзья говорят, что я зажрался. А мне стыдно признать, что от победы и очередной медали, материального приза я уже не испытываю той радости. Нет азарта. Нет желания побеждать. Единственное, что мною движет – это нежелание проигрывать. Особенно на татами. Вторые места? Это не про меня. Правда, это единственное, что меня держит в спорте. Да и вообще стимулирует на победы. Честно говоря, я уже и на тренировки хожу, скрепя зубами.

Мне чего-то не хватает.

В очередной раз, приехав с чемпионата Мира с победой, с

наградами, я ушел в отрыв. Мой отрыв – это много алкоголя, клубы, куча легкодоступных девушек, у которых уже даже имен не спрашиваю. Я дождался того момента, когда каждая красотка готова со мной всегда и везде. Которая сама залезет и ублажит меня в первые же минуты знакомства. Это раньше мне приходилось обольщать. Сейчас они все обольщают меня, а я выбираю лучшее из имеющихся. Лучшее – это округлые формы, длинные ноги. А остальное меня и не интересует. Пьяным я даже не гляжу в их лицо.

Но и этого мне уже не надо.

Тогда в клубе понял, что у меня появляется чувство омерзения к этим девкам. Их не различишь. Каждая из них норовит прыгнуть ко мне в койку. Причем именно у меня дома. Захват территории, а потом и присваивание меня начинается с малого. С одной ночи в моей квартире. Поэтому чисто из принципа не тащу никого к себе. В тот вечер понял, что и в клубе не хочу иметь ни одну из приставших ко мне. Но одна была особенно настойчивой. Даже назойливой. Если бы знал, чем все закончится, не пошел бы в тот вечер никуда. А впрочем... Кого я обманываю? Пошел бы. Моральное разложение мое продолжилось бы в прежнем режиме.

Я только пришел в клуб после праздничного концерта на площади в честь Дня Победы. Ко мне сразу же начала липнуть очередная деваха с округлыми прелестями в платье в облипку. Пытался ей объяснить, что пришел просто с друзьями и меня не интересуют сегодня знакомства. При этом

не исключал, что возможно, после определенной порции алкоголя меня все же потянет уединиться с ней. Но не сейчас.

Мой категоричный отказ девушке не понравился. Честно говоря, у меня закрались сомнения, а не развод ли это? Потому как после стычки с ней меня встретили на выходе сразу четыре качка. Во главе стояла отверженная. Я бы смог отбиться, но вот их преимущество было в битах. Мои друзья даже среагировать не успели, как меня уже сбили одним ударом битой под колени на асфальт, а дальше добивали, куда попадут.

Последнее, что помню, это крики моих друзей, которые выбежали на шум. Дальше дикая головная боль и темнота.

А потом... А потом счастливый конец...

Я решил, что умер и попал в рай, поскольку здесь меня встречал белокурый ангел. Видел только его глаза и немного светлые волосы возле лица. Он улыбался мне. А потом заговорил. Его голос показался мне до боли знакомым, но я так и не смог вспомнить, где его слышал ранее. Может быть во сне? Мне когда-нибудь снились вещие сны?

Только после прикосновения ангела понял, что я не в раю. Ангел есть. А рая нет.

Вокруг меня белые стены, какие-то приборы и большие окна с закрытыми жалюзи. А передо мной девушка. Наверное, это медсестра. Она разговаривает со мной. Держит меня за руку, стараясь успокоить. А я тону в ее глазах и чувствую, что что-то не так.

Я не вижу ее лица, но понимаю, что она улыбается мне. Ее локоны растрепались немного из-под медицинского колпака. Отчего ее вид становится еще прекраснее.

- Как же ты нас напугал...

На этих словах я начинаю соображать лучше. Я напугал их. А главное, ее. Я кому-то нужен. От этой фразы приятное тепло проходит по всему телу. Будто оно оживает. Прилив сил.

Осталось только узнать, кому я вдруг стал нужен. Почему-то кажется, что именно ей нужен именно я. А не мои деньги и статус.

Кто это прекрасная незнакомка? Судя по тому, что она навещала меня часто, но не проводила со мной какие-либо процедуры, она не медсестра. Маску никогда не снимала. Наверное, я в реанимации, и здесь этого делать нельзя. Но всегда меня гладила по голове. В эти моменты мне хотелось мурчать от удовольствия.

Оказывается, человеку мало нужно для счастья. Мне вот достаточно карих глаз, которые смотрят на меня и улыбаются. Еще бы узнать, как зовут этого ангела. Как же хорошо, что со мной это происходит наяву.

Я не умер. Я жив.

И она жива.

Она рядом.

Глава 9 Рома

Видимо, меня очень хорошо приложили. Раз я не понял, что мой ангел – это девочка из прошлого. Черт. Такого хорошего прошлого. Вожделенного на данный момент. Как бы мне хотелось оказаться вновь там. В свои восемнадцать лет. Кто знает, может быть я бы и смог уберечь нас. Сколько раз вспоминал те годы? Сколько раз вспоминал свою подружку. В очках. Своего ботаника. Над которым потешалась вся школа. Но которую втайне все же уважали. Ведь она могла постоять за себя. Как же я рад, что тогда не отказался от прогулки с ней. Как же я был рад, что в моей жизни были те годы дружбы. Именно дружбы. Потому как потом эта самая дружба завела нас не туда. Нам будто нельзя было переходить в отношения. Но во всем виноват я.

Только я.

Когда меня перевели в хирургию, и ко мне подошла та самая «медсестра», но уже без маски, я, не говорящий до сих пор, потерял дар речи. Да. Вот такой парадокс. Впервые в жизни почувствовал, как дыхание сбилось от резко учабившегося биения сердца. Так вот она какая. Тахикардия.

Но все прошло, когда мои родители вполне уверенно поговорили с Людой. Они не удивились. Вообще. Только мама как-то многозначительно смотрела на меня. Будто выпытывала чего-то. Чего?

Мои родители не знают причин нашего расставания с Людой. Я если честно и сам не понял тогда, что произошло. Но еще раз сам себе повторю, вина только на мне. Я ее предал. Не поддержал в трудную минуту. Наверное, я испугался. Только чего?

Трудностей? Так они уже были позади.

Вот так вот нехорошо и скоропостижно «скончались».

Наверное, я испугался самой Люды. Она всегда была сильной, смелой и храброй. Сильной по духу, чего мне не хватало на тот момент. Она доминировала. А я был просто рядом. И не мог разобраться, зачем мне это нужно.

- Ну, судя по тому, что ты удумала, в моей спальне...

Люда посмотрела на меня пристально. Слегка прищурилась. Вскинула голову. И четко произнесла:

- Перебьешься.

Потом лишь ухмыльнулась.

Разумеется, я не собирался тащить ее к себе в спальню. Нам было всего по шестнадцать. И хоть все мои одноклассники уже вовсю хвастались своими похождениями и опытом, я оставался верен своим принципам. Пользоваться девушкой только ради интереса не собирался. Вот только после того поцелуя Люды мое отношение к ней изменилось.

Я посмотрел на нее другими глазами. Если ранее она была просто другом, то сейчас видел в ней привлекательную девушку.

Она редко пользовалась очками, перестала заплетать волосы в длинную косу до пояса. Теперь это были простенькие прически, нередко просто распущенные локоны, заколотые за ушками. Даже заколки становились все привлекательнее, ярче, больше по размеру. Люда стала носить браслеты и цепочки. Чаше меняла серьги. И скорее всего это была обычная бижутерия, но выбрана тщательно. Сделанная под золото, она не выдавала своей дешевизны. А Люда была с ней еще краше.

К семнадцати годам я понял, что Люда обольстительна. И я ревную.

Произошло это типично. К ней стал подкатывать какой-то парень из ее же медколледжа. Ботаник. В очках. Но при этом приобнять и взять за руку, убрать ее волосы за ушко он не забывал. Когда впервые это увидел на пороге их колледжа, не просто разозлился. Словно варвар и самый настоящий собственник подскочил к ним и стал просто «наезжать». На тот момент я уже значительно подрос и тягал железо, чтобы быть таким же сильным, как отец. Пусть он мне и не родной по крови, но со временем я стал на него похожим. Рядом со мной тот ботаник выглядел мелкой пешкой на фоне ферзя. Парень испугался. Еще бы! Он взял мою Люду за руку! МОЮ!

Люда же повела себя невозмутимо. После того, как этот ботаник что-то промямлил и ушел, она посмотрела на меня с укором, но ни слова не произнесла. Я и не подозревал, что

молчание может бесить еще сильнее. Лучше бы Люда тогда залепила мне пощечину. Может быть и в чувства привела бы тем самым. Но она этого не сделала.

Много слышал от парней, что девчонки все истерички. Да что там девчонки! Я видел, как моя мама закатывала скандалы отцу. Особенно в первое время, когда противилась его ухаживаниям. Он вынужден был ее крепко целовать, чтобы просто заставить замолчать. Честно говоря, я планировал, что буду делать также. А особенно со своей возлюбленной.

А Люда?

А Люда просто разворачивается и уходит.

Возлюбленная она моя или нет? Сам еще не понял. Но почти в восемнадцать все же ее поцеловал.

По-настоящему.

Это случилось на новый год. Мы собрались толпой у друга дома, пока его родители уехали к родственникам на праздники. Были мои пацаны со спортшколы. Уговор был, что Люда пригласит девчонок с медколледжа. И она позвала.

Девчонки были все красотки. Даже в моем вкусе. Вот только мне не понравилось, что двое моих друзей оказывали знаки внимания именно Люде. Пока я «обхаживал» одну понравившуюся мне блондинку, Люда начала мило ворковать с одним из них. И причем не просто за общим столом, а уединившись на кухне.

Увидев картину, как этот удот приобняв Люду за плечи, притянул к себе и включил на телефоне какой-то ролик, я

вскипел. От злости. На тот момент мне показалось, что самым действенным способом «застолбить» ее будет именно поцелуй. При друге.

Преодолев расстояние в два шага, просто подошел, обхватил лицо Люды руками и притянул к себе. Поцеловал не совсем по-взрослому. Но в губы, жадно и долго. Друг аж при-свиистнул. Но тут же удалился. Сработало.

Что я почувствовал в тот момент?

Не знаю даже...

Но мне безумно не хотелось ее отпускать.

А вот Люда посмотрела на меня с укором и задала самый неожиданный вопрос:

- Ну и зачем ты это сделал?

Наверное, этот вопрос меня обидел. Я ожидал увидеть в ее глазах нежность, возможно восхищение, радость. Но увидел тогда и всю ночь наблюдал ее равнодушие, которое просто бесило и жгло изнутри. Видимо, уже тогда я был самоуверен. Даже слишком. Почему мне казалось, что Люда будет в восторге от поцелуя, проявления мной чувств? Хотя еще в начале нашей дружбы у нее проскальзывали слова и поступки, указывающие на то, что она испытывает ко мне чувства немного больше, чем просто к другу.

После поцелуя сразу понял, что выбранная ранее блондинка мне больше не нужна. Смотрел на Люду и следил, чтобы ни один шкет к ней не прикоснулся.

И пил.

Много пил.

Ближе к утру, совсем наклюкавшись, взял Люду за руку и повел в ванную. Прикрыл дверь, щелкнул замком. Ничего не соображая, впился ей в губы.

Дальше больше.

Мой поцелуй перешел в более откровенный. Тот самый взрослый, с переплетением языков. Я бы никогда на него не решился в трезвом рассудке. Но я был пьян. И передо мной Люда. «МОЯ ЛЮДА». Только это вертелось в голове вихрем. Сам не понял, как начал залезать ей под кофточку. И если на мой поцелуй она в этот раз все же ответила, то руку мою остановила на самом интимном месте – на чашечке ее кружевного бюстика, который я почувствовал под подушечками пальцев.

- Прекрати.

Коротко и строго. Не сердито, но доходчиво.

- Извини. Я просто немного перепил, - прислонившись лбом к ее лбу, старался восстановить дыхание.

Кровь разыгралась во мне не на шутку. Так, что я забыл о возрасте Люды. Это мне через месяц восемнадцать. А вот Люда достигнет совершеннолетия только летом. О ее принципах я помню. Ни-ни до восемнадцати. Никакого брака до двадцати пяти лет. Никаких детей до полной материальной независимости. Причем с хорошим достатком. А лучше еще и с недвижимостью. Собственной. Без ипотечного залога.

- Если бы немного, я бы, возможно, тебя не остановила.

Люда бросает мне фразу так, будто гвоздем к стене меня приколачивает. И приколачивает же! Когда выходит из ванной комнаты и садится за общий стол с телефоном, чтобы заказать такси.

Я боюсь ей в глаза смотреть.

А она?

- Ром, я вызываю такси. Едем домой.

Люда по договоренности с моими родителями едет к нам. Вот только тогда не я ее «проводил», а она меня.

- Ром, ты узнал ее?

Надо мной мать. Побледневшая, осунувшаяся, будто постарела. Видно, что очень много в эти дни плакала. Я потерял счет дням. Еще неизвестно, сколько пролежал в отключке. Может быть вообще был в коме несколько месяцев. Какой сегодня день? А месяц?

Матери же только киваю головой. Медленно. Как велела Люда.

- Тебя перевозить? Или ты здесь останешься?

Отец смотрит на меня внимательно, с выжиданием. Он будто в глазах моих хочет прочитать ответ на свой вопрос. Именно он давно, шестнадцать лет назад сказал, что такую, как Люда, упускать нельзя.

А я упустил.

Упустил своего ангела, так и не поняв, что она и есть мой ангел. Ангел по жизни. Талисман. Свет в окне. То самое, че-

го мне так не хватало все эти годы. Только теперь я понимаю это. Наверное, никогда бы и не понял причины своей депрессии, если бы не оказался здесь и не встретил ее. И сколько еще дров я наломал бы, пока метался в душевных терзаниях, стараясь разобраться в себе?

Отрицательно качаю головой.

Нет. Я никуда отсюда не уйду.

В моей жизни осталась одна Людмила Ильинична. Ворвалась. Снова. Неожиданно. Как и тогда.

Только теперь я тебя никому не отдам.

Глава 10 Рома

- Можно мне врача увидеть?! Сколько можно ее звать?!

- Врач готовится к обходу! Будут вместе с главврачом! Вот тогда и поговорите!

Это возмущается мой сосед по палате. А ему довольно грубо и резко отвечает медсестра. Единственная толковая медсестра во всем отделении. Среднего возраста, слегка полновата. Но может быстро среагировать на возникшие неожиданно проблемы. Кажется, Люда зовет ее Зиной. У меня сложилось такое впечатление, что они не просто работают вместе. А будто дружат. Во всяком случае, их общение иногда сопряжено короткими шутками или взглядами с ухмылкой, что понимают только они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.